

ГЛАВА 1

КУДА УВОДЯТ МЫШИ...

— Аня, ну дай, дай мне мышку!

— Да погоди ты, видишь... Черт! Ну опять куда-то все пропало!

— Отдай мышь!! Ты ее замучила, и она померла!

— Да зачем тебе мышь? Мы тебе уже нашли жениха! Дай и другим!

— А тебе!.. А тебе мы нашли... о-го-го!! Убери руку от мышки, а то сейчас зубами вцеплюсь!

Две женщины далеко не юного возраста, Василиса Олеговна Курицына и ее соседка с первого этажа Аня, толкались возле монитора компьютера, вырывали друг у друга мышку, выдергивали крутящийся стульчик и вообще — вели себя не совсем достойно. Их нервное поведение объяснялось просто: Анечка ухнула целую кучу денег и купила сынишке Максиму компьютер на Новый год. И все бы ничего, если бы Аняте, даме хронически незамужней, кто-то не ляпнул, что через Интернет можно запросто найти кавалера и даже вполне приличного спутника жизни. Прият-

ная новость и двинула Анну дальше по пути прогресса. Она срочно записалась на курсы компьютерных умельцев, потратив оставшиеся от покупки компьютера деньги, и весьма сносно научилась нажимать на нужные кнопки. Об этом тут же было доложено ее соседкам — Василисе и Люсе, дамочкам также катастрофически незамужним. Люся и Василиса вырастили детей и поселились вместе у Василисы, чтобы Люсину площадь сдавать в аренду и украсить свою пенсию внушительным дополнением. Теперь же обе дамы прочно обосновались у Ани возле письменного стола забытого всеми Максима. Они выходили в Интернет! И у них это даже получалось! Правда, неопытность Ани сказывалась — в самый неподходящий момент на мониторе вдруг начинали прыгать различные таблицы с непонятными вопросами, а потом и вовсе — Интернет самопроизвольно вышвыривал дамочку из своего лона, а вместе с ней и двух подружек. И все же им удалось в конце концов выудить из капризной машины по мужичку. Мужчины оказались довольно приличные, неженатые и вроде бы в этом плане перспективные. Возникло, правда, одно маленькое НО, которое не совсем устраивало Аню, и касалось оно хозяйки компьютера — Василисе и Люсе отчего-то достались

самые настоящие кавалеры, которые бурно стремились к встрече и длительным теплым отношениям, правда, они были немножко не обременены финансами, как это обычно и случается с доброй половиной мужского неженатого населения. А вот ей, Ане, достался Ясин Филипп Карлович, совершенно обеспеченный мужчина, но только он вовсе не собирался знакомиться с Аней для супружества, а настоятельно звал ее к себе горничной. И даже не горничной, а так — псов выгуливать!

— А потому что ты, дурочка такая, сразу написала, что мужчина в твоём понимании — кобель! Но ты, дескать, по этому поводу не кручинишься, потому что собак обожаешь, и даже выгуливаешь соседского черного терьера! Ну что, не так? И кто после этого с тобой захочет строить нежные отношения? — выговаривала ей соседка — маленькая, остроносенькая Люся, хозяйка того самого терьера.

— Ну и что?! Ты вот тоже любишь этих... как их... кобелей, так тебе — с любовью! А не с половой тряпко-о-ой! — ныла расстроенная Аня.

— Понимаешь, у меня уже есть один... пес, — успокаивала ее, как могла, подруга. — Мужчины сразу поняли — больше нельзя, уже перебор получится.

— Нет, Анечка, я тебя совсем не понимаю, — фыркала длинная и тощая Василиса, не отрываясь от зеркала. — И чем ты не довольна? Сколько таких случаев известно, когда он — олигарх, а она — никто! Пыль! Убогость! И пожалуйста! Становилась его женой!

Про убогость Ане как-то не слишком понравилось, но про жену слушать было приятно.

— И что вы думаете? — напряженно спросила она. — Он может меня... полюбить? И позвать замуж?

— А почему нет-то?! — в один голос воскликнули подруги.

— Мне так и вообще этот мужчина внушает больше доверия, — гнала ложь во имя спасения Василиса. — Этот Ясин сначала решил тебя на собаках проверить, а уж пото-о-о-м...

— Точно, что-то типа Павлова, — подтвердила Люся. — Опыт поставит, а уж потом... И к тому же он обещает тебе такие деньги, какие ты за полгода не заработаешь!

— Да, Анечка, это нельзя сбрасывать со счетов, там и делать-то ничего не надо, а какие деньги! — мудро качнула кукишем на голове Василиса. — В конце концов, ты сможешь потом себе и другого воздыхателя найти.

Как бы там ни было, а Аню уговорили. Анна на месяц сдала свою торговую палатку в

аренду дальней родственнице и уже несколько раз выходила на работу. За такую зарплату, какую ей пообещали, она и впрямь сильно не перерабатывалась — всего-то и делов, что два раза в день по полтора часа выгуливала трех здоровенных догов. Собачки были жутко породистые, невозможно ухоженные и на удивление прекрасно воспитаны, поэтому никаких сложностей не возникло. Правда, самого работодателя Анна видела только в первый день. Им оказался довольно угрюмый мужчина, весьма подходящего возраста, но страшно занятой. И этот мужчина даже не окинул женщину взглядом, хотя та самая женщина специально для него посетила парикмахерскую, где оставила полторы тысячи за покраску, стрижку и укладку. И все, простите, псу под хвост!

У соседок же дела продвигались лучше. Люся со своим ухажером встретилась уже трижды, и в данный момент вместе со своим дружкой уехала покупать новую стиральную машину, а Василиса, дважды бегавшая на свидания, сегодня собиралась на третье. Но встреча была намечена на вечер, а сейчас, после того как Аня вернулась с первой собачьей прогулки, они сидели вместе с Василисой возле компьютера и выискивали себе кавалеров для ассортимента.

Правда, очень не хватало второй мышки, и по этому поводу возник небольшой спор, но его прервал звонок в дверь.

Люся ворвалась к Ане, точно маленький смерч — шумно, быстро и без предупреждения. И сразу же накинулась на Василису:

— Вася! Ты мне ответь! Ну кто сказал моему Белкину, что каждая морщина на лбу означает ребенка?! — женщина подскочила к зеркалу, прилипла носом к своему отражению и ужаснулась. — С ум-ма сойти! Это сколько ж раз я получаюсь мать-героиня?! Нет, ну кто сказал-то?!

— Люся! Когда ты так орешь, ты... ты должна помнить... Белкина могут дети и во все не испугать, а вот твой рев! — одернула подругу Василиса и подправила помаду, вытягивая губы бубликом и сжимая их потеснее. — Я и вообще подозреваю, что он просто хочет тебя бросить, ты уж прости, конечно. Но... я просто не понимаю — чем уж таким ты могла его зацепить? Господи боже мой, ни кожи, что называется, ни рожи. Люсенька, я в хорошем смысле этого слова.

— Да уж куда лучше! — рывкнула Люся. — Просто ты завидуешь! А он... он зацепился!.. Мы с ним переговорили, я... я достойно себя описала, и оказалось... оказалось, что ему ужасно нравятся высокие молодые длинно-

ногие блондинки! Ну и... мне пришлось признаться, что я такая блондинка и есть!

— Ты-ы-ы?! — не удержалась Вася и ошарашенно уставилась на подругу.

Девушки, что называется, пребывали в поре загадочного возраста, то есть — им недавно стукнуло... сколько-то там больше пятидесяти, и поэтому они смело считали себя молодыми, однако ж маленькая, черная, как вороненок, Люсенька, с длинным носиком и взъерошенными волосами, при самой необузданной фантазии на длинноногую блондинку не тянула.

— Люся, ну как не совестно? — благочестиво сложила губки клизмочкой Василиса. — Я вот, например, никогда своим муш-щинам не лгу.

— Так у тебя их сроду не бывало! А я и не врала, я просто та самая блондинка и есть, только внутри... умственно, то есть мысленно, так сказать, — отбивалась Люся.

— То есть... ты совсем без мозгов, что ли?

— Вот, и он так же спросил! — окончательно вышла из себя Люся. — Это я про внутренний мир! Что я молодая! Светлая! И даже... да! И даже жутко красивая!

— Да кто тебе...

— А я говорю — да!!! — топала ножкой Люся. — И он поверил!! И мы встретились!

И он... он очаровался! А тут вы со своими морщинами!!! Вася! Ну кто тебя за язык вечно тянет?!!

Этот крик уже смахивал на истерику, а такого никак нельзя было допустить.

— Люся!! — рявкнула Василиса. — Ты чего голосишь, как пьяный лось?!! Тебе совсем нельзя орать!!! Мне можно, а тебе нет! Нельзя! Совсем!

— Да! — тут же поддакнула Аня и обернулась к Василисе. — А почему?

— Да потому что она своим криком нам всякие неприятности привлекает! — нервно объяснила Василиса Олеговна. — У нас тогда сразу проблемы получаются — то кто-нибудь скончается, то мы в подозреваемых окажемся! Ну что тебе объяснять, сама ж знаешь!

Аня с вытаращенными глазами покачала головой. Она знала. Да весь подъезд знал, что подруги Вася и Люся тем и занимаются, что свадьбы проводят, юбилеи всякие и еще расследуют всякие непонятные происшествия, возомнили себя Агатами Кристями, идиотки!

— Люся, — тихо, но зловеще прошипела Аня. — Еще раз выкнешь...

И в нос маленькой Люси уперся здоровенный кулак подружки.

— Господи, какой позор, — тяжело вздохнула Людмила Ефимовна. — И кого она мо-

жет воспитать из этих славных породистых псов? Нет, Вася, давай ей в Интернете лучше какого-нибудь тракториста подыщем.

Дамы не стали капризничать и снова уткнулись в монитор. Но посидеть им опять не дали — едва они мирно расположились возле экрана, как в прихожей раздался звонок.

— Максим, что ли? — переглянулись подруги.

— Ну какой Максим, он же сейчас у мамы! — пожала плечами Аня и подалась в прихожую.

Максима Анечка и в самом деле отправила к матери, чтобы паренек некоторое время побыл под неусыпным контролем, пока его матушка работает и устраивает личную жизнь, а потому было совершенно неясно — кого это могло принести к Анечке в такое время. Подруги поспешили за ней, Аня распахнула дверь и... онемела.

На пороге стоял незнакомец. Аня, завидев его, едва не вскрикнула — так жутко и зловеще он выглядел. Возраст у мужчины не просматривался, зато сразу же било в глаза длинное, до пят, черное пальто, застегнутое по самые уши, губы растягивались в злобном оскале, и при этом выпирали желтые лошадиные зубы с огромными клыками. Но самым страшным были его глаза — вместо зрачков

горели лишь две длинные полоски, на кошачий манер. Ни тебе радужки, как всех учили в восьмом классе на анатомии, ни тебе кругленького зрачка, ничего! Только белое глазное яблоко и кошачьи полоски.

— Люсь... к тебе вампир... — заикаясь, проговорила Аня и поспешно отошла в глубь коридора. — Наорала, теперь разбирайся сама!

Голос у незнакомца тоже оставлял желать лучшего, то есть его и вовсе не было, а вместо этого слышалось лишь шипенье.

— Мне нуж-ж-ж-жна Анна Семеновна Николаева. — Жег Аню страшными зрачками незнакомец. — Это вам, распиш-ш-ш-шитес-с-с-сь...

— А чего это мне-то сразу? — не торопилась расписываться та.

— Пос-с-с-сылка для вас-с-с... — просвистел незнакомец и протянул Ане обычный обрывок газеты. — Распиш-ш-ш-шитес-с-с-сь...

Аня растерянно смотрела на обрывок, и неизвестный гость сунул ей в руки небольшую яркую коробочку, заботливо перевязанную черной ленточкой.

— Это меня поздравляют, что ли? — не поняла Аня, но коробочку взяла и чирканула свою подпись на клочке газеты. — Вообще-то у вас довольно интересная служба доставки, вот так ночью откроешь...

Мужчина не стал слушать, что там случится ночью, он просто склонил голову и стал медленно пятиться вниз по лестнице.

— Вы бы нормально шли, лицом вперед! — крикнула ему вдогонку Аня. — Так и навернуться недолго!

Мужчина, казалось, ее совсем не слушал. Аня захлопнула двери и тут же услышала, как в подъезде раздался возмущенный крик:

— Да что ж это такое?! В своем подъезде прям пройти нельзя!! Прям так и кидаются на бедных красивых женщин!!!

— А я предупреждала, — с сожалением вздохнула Аня.

Наверняка таинственный посыльный наткнулся на кого-то своим непонятным задом.

— Какой страшный, да? — вертела в руках коробочку Аня и посматривала на подруг. — Я, конечно, люблю посылки, но... не могли, что ли, нормального человека прислать?

— Это тебе кара небесная, — тут же сунулась к ней Люся. — Зачем ты сказала моему Белкину, что у меня куча детей?! Нет, не куча, но... он теперь так и лезет своим пальцем мне в лоб — морщины считает!

— Люся, а можно сейчас на некоторое время Белкина забыть? — дернула губой Василиса. — Прямо стыдно за тебя, честное слово, можно подумать, я тебе никогда не по-

казывала мужчин! Между прочим, твой Таракашин почти такой же!

Таракашина Люся в далекой молодости так любила, что даже отважилась родить от него свою единственную дочку Олечку, которая совсем недавно подарила маме внука. Но только любовь осталась в далеком прошлом, а сам Таракашин теперь назойливо раздражал Люсю своим трепетным вниманием. Но предательства Люся простить ему не могла и слышать о нем ничего не желала.

Пока Люся соображала, как бы поспокойнее, без крика отстоять Белкина от сравнения с предателем, Аня выставила на стол подарочную коробочку.

— Интересно, и кто бы это мог прислать? И к чему?

Подруги тут же забыли про разборки и, захлебываясь, стали бурно предполагать.

— Это Ясин послал, вот я прям чувствую! — прижимала большие руки к хлипкой груди Василиса. — Он такой... такой...

— Точно, это он, — задумчиво подтвердила Люся, все еще думая о Белкине. — Это Ясин. Бомбу прислал. А что? У него денег много, может себе позволить!

— Он, между прочим, и украшения себе позволить может, — поджала губки Аня и потянула за ленточку.

В коробке были не украшения и уж конечно не бомба.

— Хм... это что — мне? — с недоумением вытащила Анна черный шерстяной платок с яркими расписными цветами. — Ничего не понимаю. Это что, гуманитарная помощь, что ли?

Все уставились на самый обычный платок, и даже, кажется, не совсем новый.

— У меня такой же в молодости был, — вспомнила Василиса. — Только там цветочки помельче. Я была ужасная кокетка в молодости, просто ужасная! И этот платок, он буквально снился всем мужчинам нашего города!

— И у меня был, — проговорила Аня. — Я не помню про цветочки, но почти такой же.

Люся поддела пальчиком уголок платка и невыносимо звонко пропела:

— ... Скажи нам, Ясин, господи помилуй, какую блажь имеешь ты в виду?

— Главней всего! Погода в доме!! — тут же грянула Василиса, поддерживая подругу. У дамочки от волнения разыграл условный рефлекс — на всех свадьбах, едва Люся запевала, Василиса обязана была подпевать.

— Ну давайте сейчас караоке устроим! — рывкнула Аня на подруг.

Те смущенно крякнули, но голосить прекратили.

— И все же — кто мне подарил такую прелесть? — мучилась вопросом Аня.

— Я думаю, все же Ясин, — поджала губки Василиса. — Вероятно, ты к его собачкам в таком непотребном виде ходишь, что он решил тебя... облагородить. Ну хоть платочком тебя прикрыть, что ли!

— Тоже мне — облагородил! — фыркнула Аня. — Вот если бы он мне колечко подарил, с бриллиантом!

— Вот это ему сегодня и выскажи, а сейчас нам некогда, — заторопилась Василиса, у нее родилась умопомрачительная идея, да к тому же она сегодня должна была встретиться со своим другом — робким и застенчивым Игнатием Петровичем.

Игнатий Петрович самый первый клюнул на компьютерных охотниц и достался Василисе. Вернее, она его просто отвоевала, забрала себе. И не прогадала, потому что мужчина выдался на редкость вежливый, длинненький, худысенький, безостановочно сдабривал свою речь всякими красивыми оборотами, типа «позвольте вам не позволить», «не откажите в любезности», «не сочтите за труд», «простите великодушно», а также постоянно прикладывался к ручке, а заодно и к рюмочке тоже. Но с рюмочкой Василиса решила покончить в первую же декаду

их знакомства. И следовало ожидать, что она своего добьется, потому что уже на втором свидании она вертела кавалером, как хулахупом.

А вот кто не поддавался воспитанию совершенно, так это Люсенькин знакомый. И на кой черт она его вообще выцепила?! Егор Игоревич Белкин с первой же минуты сообщил, что командовать парадом будет именно он, и сразу же предложил Василисе освободить квартиру от ее вещей. С большим трудом мужчине удалось разъяснить, что квартира принадлежит, собственно, Василисе, а Люсины хоромы сдаются в аренду. Однако такой расклад нисколько кавалера не обрадовал, и всякий раз, когда он приходил на свидание к Людмиле Ефимовне, то таким выразительным взглядом одаривал Василису, что той хотелось собрать свои вещи по доброй воле.

И все же за окном уже вовсю буянил март, солнышко светило особенно ярко, в воздухе пахло потеплением, и в сердцах трех подруг вовсю бушевала весна, а потому кавалерам были рады, их ждали, для них покупались наряды, красились ресницы и завивались чуть поредевшие пряди волос.

Вот и сегодня, едва прибежав к себе от

Ани, подруги устремились в ванную, приготовить головы для новых причесок.

— Люся! Ну куда ты лезешь, ведь у тебя еще совсем не выгуляна собака?! — рычала на подругу Василиса, отталкивая миниатюрную Люсю от крана. — Ты же не пойдешь гулять с Малышом, с мокрой головой!

— А сегодня, между прочим, ты с ним гуляешь, — напомнила Люся. — Вот и ступай прогуляйся, а я пока голову в порядок приведу.

— Люся! Я не могу гулять с собакой! — вытаращилась на нее Василиса. — У меня Игнатий Петрович должен прийти с минуты на минуту! И что он скажет?

— Он — ничего, он у тебя вообще говорить не умеет. А вот что скажет Егор Игоревич, если я еще не буду готова!

— Он у тебя тоже говорить не умеет, только орет, командир недоделанный. Ой-й-й... еще толкается она! Иди одевайся, Малыш гулять просится!

Черный терьер попал к подругам совсем случайно, пес имел гордую родословную и заковыристую кличку, однако в его родословную никто не заглядывал, кличку поменяли на простецкую, а про гордое происхождение решено было и вовсе не вспоминать. Тем не менее подруги в нем души не чаяли и даже в самых сложных жизненных ситуациях не об-

деляли собаку и кота Финли теплом и вниманием. А потому сегодня они отправились гулять вдвоем. Накрутили бигуди на влажные волосы, завертели все это дело платками и чинно пошагали по весенней аллее.

Однако мартовское настроение обуяло не только Люсю и Василису, но и их мохнатого друга — пес стремглав неся к первой же собаке, нимало не смущаясь тем, что за его скачками хозяйки попросту не поспевают.

Разгоряченные, покрасневшиеся, с шальными глазами, дамы вернулись домой и едва успели привести себя в порядок, как заявили кавалеры. Вместе, будто сговорившись.

— Великолепнейшая Василиса Олеговна... — еще в дверях занудил Игнатий Петрович. — Не угодно ли вам будет прогуляться со мной по вечернему городу. Я покажу вам проспект Металлургов! Совершенно волшебное зрелище! А эти три черепашки — истинный шедевр топинарного искусства!

— Так! Ему больше не наливать! — распорядился Егор Игоревич Белкин — Люсин воздыхатель. — Он слов не знает! Что это, я не знаю, искусство какое-то выдумал!! Я вот вам так скажу: гулять вам все равно придется, потому как мы с Люсей хотим остаться наедине. Но я настоятельно требую! Василиса, Игнату — ни глотка!

— Что это вы, батюшка, надрываетесь? — сложила накрашенные губки гузкой Василиса. — Мы, между прочим, только что гуляли, весь этот самый проспект оббежали, с собачкой. Чего ж мне, теперь еще и Игнатия Петровича выгуливать?

— А давайте к столу! — попыталась прекратить споры Люся. — Я такой пирог купила!!

— Благодарствуем, Людмила Ефимовна, — проникновенно произнес Игнатий и даже приготовился пустить слезу умиления, но опять вмешался Егор Белкин.

— Да, Люся, заверни им в газетку.

Василиса едва сдерживалась, чтобы не наговорить грубостей, однако ж еще остерегалась — тонкий по натуре и хорошо воспитанный Игнатий мог схлопотать insult, если бы услышал, что она может сказать.

— Нет, нет и нет! — весело затрещала Василиса и капризно затрясла ручками. — Я вам хочу сообщить одну новость! Егор Игоревич! Егор Игоревич, послушайте меня... Егор... Да заткни ты ему рот, Люся!!!

Люся только махнула рукой — да пусть орет, кто его боится?

— Господа! Пройдемте в комнаты, мне есть что вам сообщить! — все больше заинтриговывала гостей Василиса.

Господа потянулись в гостиную. Люся тут же накрыла маленький журнальный столик, принесла чай, пирог и уселась, смиренно ожидая, что на этот раз выдумала ее подружка.

— Господа! Рада вам сообщить, что у меня в эту субботу день рождения!! — вдруг ляпнула Василиса.

Люся чуть не поперхнулась чаем — это ж надо такое выдумать! Да до дня рождения Васи еще месяцев восемь ждать!

— И я приглашаю вас на праздник! — между тем лучилась от счастья Василиса.

— И сколько вы уже прожили? — некорректно спросил Егор Белкин.

— Ну почему это «прожили»? — парировала Василиса. — Я еще только начинаю жить!

— А раньше о чем думали? — не отступал Егор Игоревич.

Василиса решила обидеться.

— Значит, так: или вы приходите на день рождения, или...

— Мы приходим! — тут же подскочил Игнатий Петрович. — И почему бы не прийти, если такая изумительная женщина нас приглашает, не так ли?

И он с наивной радостью обвел взглядом всех присутствующих.

— Правда, — ответила за всех Василиса. — Сразу говорю — в эту субботу, к трем часам, и чтобы без опозданий! Жду вас с хорошим настроением и с подарками.

Люся незаметно для мужчин показала Васеньке огромный кукиш — сейчас прямо, разбежалась она подарки таскать! Василиса благополучно не заметила непростительной Люсиной выходки, а продолжала надрываться:

— Господа!! Господа! Я обожаю, когда мне дарят украшения!

— Украшения — это что? — не понимал Белкин.

— А это так! — отмахнулась Люся. — Бантики, ленточки, цветочки искусственные...

— Позвольте! Ну отчего же цветочки? — возмутился Игнатий Петрович. — Васенька наверняка имела в виду золото или бриллианты.

— Да она сдурела! — охнул Белкин. — Нет, Люся правильно сказала — лучше искусственные цветочки!

— Вот вы эти цветочки Люсеньке на день рождения и подарите! — не утерпела Василиса. — А мне все же лучше золото и бриллианты, правильно вы сказали, Игнатий Петрович! Не сдерживайте своего порыва, дарите!

И прелестница одарила своего ухажера со-

вершенно необычайно выразительным взором — томным, чуть с поволокой, ну в общем именно таким, каким она всегда смотрит на Леонардо Ди Каприо в последнем эпизоде «Титаника».

Кавалер от такого взгляда взволновался невозможно, вскочил, потом плюхнулся на диван, засучил ножками, но вовремя остановился:

— Я вам обязательно подарю, но... но на день рождения! И непременно золото! — смущенно улыбнулся он, поглядывая на Василису из-за толстенных стекол своих очков.

— И пусть это будут не маменькины зубные коронки, — нежно проворковала Васенька.

После чего кавалер немного взгрустнул, вероятно, ему мечталось подарить именно матушкины зубные протезы...

Как бы там ни было, со своим днем рождения Василиса напрочь испохабила все планы Белкина. Мужчина твердо решил провести этот вечер вдвоем с Люсей в квартире и без посторонних, однако ж выставлять из дома почти что именинницу не отважился. Ему даже пришлось морщить лоб и придумывать, что это можно подарить этой Василисе, когда он ее и вовсе знать не знает, и даже некоторым образом недолюбливает?!

Василиса же, удачно отвоевав вечер в теплой квартире, была необузданно весела, легкомысленна и непростительно глуповата. Она хихикала без всякого повода, переключала телевизор на самом интересном месте и совершенно не собиралась угощать кавалеров вкусностями. Казалось, она уже считала, что ее день рождения наступил.

Белкин совсем не знал, как себя вести, — терпеть капризы этой долговязой Василисы у него больше не хватало терпения, а к Люсе подступиться не было никакой возможности: она постоянно крутилась возле подруги и заглядывала той в рот.

— Я, пожалуй, пойду, — обиженно сообщил Егор Игоревич Белкин. — Так когда, вы говорите, у вас юбилей-то?

— У меня не юбилей, — кокетничала Василиса. — У меня обычный день рождения! И прошу всех к шести! Не опаздывать!

— Василисушка, но давеча вы говорили к трем, — взволнованно напомнил Игнатий Петрович.

— М-да? Я говорила к трем? — беспечно дернула плечом Василиса. — Ах, господи! Ну конечно же, приходите к трем, раньше сядем, раньше выйдем... м-нет, это я не туда... Приходите к трем! Обязательно! И подарков не

забывать! Это мое требование, вот такая я капризуля!

Белкин швыркнул носом и направился к двери. А чтобы Василисе жизнь медом не казалась, он обернулся и удивленно уставился на Игнатия Петровича.

— Я не понял, а вы чего не собираетесь? Я же вас жду! Вам еще до дня рождения надо... зубы на полку... в подарок...

Игнатий Петрович был патологически воспитан. Он не мог терпеть, если кто-то его ждал, а потому собрался быстро и уже через десять минут прилежно топтался возле порога:

— Василиса, звезда моя! Я обязательно прибуду к вам на ваш праздник! Это будет нашим первым общим праздником! И я... я даже подарю вам очаровательный букет!

— Слышь, Люсь, ты верно говорила, — фыркнул Белкин и подмигнул Людмиле Ефимовне. — Без искусственного веночка никуда!

— Не смей!!! — петушком взвизгнул Игнатий.

— Уй ти осьподи! — просюсюкал Белкин и выскочил за дверь, не забыв прихватить с собой Игнатия Петровича.

После их ухода Василиса побежала открывать Малыша — собака сидела в ее спальней, дабы не слишком пугать женихов.

— Малыш, мальчик мой, ты ж не сильно обиделся, да? — приседала она возле пса, который ураганом пронесся в кухню и теперь толкал по всему пищеблоку свою пустую миску.

— Он еще не понял, отчего ты не извинилась перед ним куском говядины за такой грех, — мотнула головой Люся, неотрывно наблюдая за подругой. — А вот я могу и обидеться. И чего это ты себе день рождения назначила вовсе даже не по графику? У тебя когда он должен быть?

— Ой, да какая разница, — отмахнулась Василиса. — Я знаешь, Люся, что подумала... Вот мы с тобой сколько раз с мужчинами знакомились, а они у нас никогда до больших праздников не задерживаются. А ведь как славно было бы усесться всем за столом, чтобы вокруг тебя порхал восторженный поклонник... Вот я и придумала — неизвестно, сколько мы еще будем в дружбу играть, а подарки уже пора принимать, самое время. И потом... потом всегда можно будет отметить мой день еще раз!

Люся собиралась растолковать подруге, как это некрасиво — выманивать подарки у своих же друзей, а тем паче — подруг, но Василиса уже сидела возле телефона и, вытаращив глаза, кому-то доказывала:

— Да! Вот представь себе — никак не получается!.. Нет, вовсе... да нет же! Ну нет, во все мы... Да дай ты слово-то мне сказать!!! Во все мы не вляпались ни в какой криминал! А просто... просто у меня в субботу свидание и девочек приводить будет не совсем этично... А я говорю — не этично! Я вовсе не собираюсь с этим Игнатием Петровичем жить сто лет и умереть в один день, а дети могут подумать, что у них бабушка — легкомысленная особа! А я... в общем... нет, и поздним вечером тоже не следует, потому что я не знаю, во сколько мой кавалер откланяется...

Люся фыркнула — да Васенькин-то кавалер откланяется по первому требованию, а вот у Люси...

— Представляешь? — оторвалась наконец Василиса от телефонной трубки. — Пашка звонил. Хочет ко мне в субботу девочек привести, потому что они с Лидочкой, видите ли, собираются съездить посмотреть дачу!

— Откуда у них дача? — дернула плечом Люся.

— Вот и хотят поехать, присмотреться да купить! — запыхтела паровозом Василиса. — Люся, тебе нужна дача? И мне — нет, а они такие молодые, такие...

— Да ясен пень — под тебя берут, — тяжело вздохнула Люся. — Чуть что — посадит сынок